

# I МЯТЕЖНИК

Эрве Жуандо вынырнул из густого тумана с булыжником в руке, держа его на манер дискобола. В такие моменты сравнение с атлетами древности юношу не пугало. Сквозь слезы, туманившие глаза, он увидел впереди, метрах в ста, плотную шеренгу спецназовцев.

Остроконечные шлемы, туго подпоясанные плащи, выставленные вперед щиты, до смешного похожие на крышки мусорных баков... Застыв в облаке слезоточивого газа, Эрве выгнулся, напряг мускулы и прижал кулак с булыжником к ключице — ну вылитый герой античного стадиона!

— Давай, Эрве!

— Врежь им прямо в морду!

— Целься в глаза!

Эрве ликовал: в этот момент он — один против врагов на этом шоссе, заваленном мусором, — чувствовал себя достойным наследником длинной череды повстанцев былых времен: 1789 года, 1832-го, 1848-го. Парижская коммуна... Мятеж у французов в крови — их история писалась под знаком протеста и жестокости. И вот теперь он, Эрве, стал их новым героем!

Размахнувшись, он метнул свой камень, стараясь забросить его как можно дальше. «Прямо вам в морды, сволочи!» Сейчас он ощущал себя таким же легким, как его булыжник, таким же победоносным, как крики «ура!» за своей спиной, и таким же грозным, как гул этого сражения на Лионской улице<sup>1</sup>.

<sup>1</sup> Парижская Лионская улица находится около Лионского вокзала. — *Здесь и далее примеч. перев.*

Миг спустя Эрве услышал звонкий стук: это его «снаряд» попал в чью-то каску; до чего ж меткий удар! Камень, перелетевший через фланговые ряды спецназовцев, достался кому-то стоявшему сзади.

Ага-а-а, получай! Непонятная, беспричинная ярость, смутное удовольствие — разрушать все подряд, просто так, неизвестно зачем... И чисто детская радость: попасть в цель, как при игре в шары. Позади раздались восторженные крики: «Молодец, парень!» Два месяца назад, в марте 1968-го, нью-йоркский художник Энди Уорхол написал: «В будущем каждый человек получит право на пятнадцать минут славы». Сомневаться не приходилось: вот они и пришли — *его пятнадцать минут!* Он застыл на месте, упиваясь этим мгновением. Воздух был насыщен удушливыми аммиачными парами. Булыжники, вывернутые из мостовой, догоравший мусор, лужи — все, абсолютно все выглядело так, будто настал конец света. *This is the end, beautiful friend...*<sup>1</sup>

Но ответная атака не заставила себя ждать. Под грохот выстрелов и взрывов гранат Эрве отступил и короткими перебежками добрался до груды мусора — битой штукатурки, сломанных ящиков, вырванных секций садовых оград, — взобрался на эту баррикаду, ободрав по пути колено, и спрыгнул наземь по другую ее сторону. Раздались аплодисменты.

Он обливался потом под несколькими свитерами, которые натянул на себя, чтобы смягчить удары полицейских дубинок. Плюс, конечно, душевный подъем. Сейчас у него мутилось в голове.

Где он?.. Какой нынче день?..

С начала месяца страницы календаря пылали, уносясь легкими хлопьями пепла вместе с демонстрациями, забастовками и АГ<sup>2</sup>, — трудно даже вспомнить все, что было...

<sup>1</sup> «Это конец, любезный друг...» (*англ.*) — первая строка из песни «The End» группы *The Doors*, завершающей их последний альбом «*The Doors*» (1967).

<sup>2</sup> АГ (*Action Generale*) — букв. всеобщая акция, «Аксьон Женераль». Зд.: протестные выступления в 1968 году студентов и забастовки трудящихся, требовавших смены правительства и улучшения условий труда.

И вообще — какой нынче день?

Ах да: сегодня же 24 мая 1968 года, и на Лионском вокзале в семь вечера объявлен новый сбор. Неизвестно даже, кто этим руководил. Хотя... наверняка те же парни, что и 22 марта. Конечно, UNEF<sup>1</sup>. А также МЛ — марксисты-ленинцы... Поводом для сходки именно в этот день стал запрет на возвращение во Францию Даниэля Кон-Бендита<sup>2</sup>, главаря восстания, который после победного начала борьбы здесь, в Париже, уехал в Германию за поддержкой.

Прошел слух, что его поездку финансировала газета «Пари матч» в обмен на несколько фотографий. Намек ясен? Власти воспользовались этим, чтобы объявить его персоной нон грата на территории Франции. Крайне неудачная затея — она только подлила масла в огонь. Немедленно было решено организовать новую демонстрацию, с участием рабочих и знаменитых кинодеятелей, чтобы потребовать согласия на возвращение Кон-Бендита во Францию. Но почему именно на Лионском вокзале? Это для всех оставалось загадкой. По чистой случайности — а может, из стратегических соображений — на этот вечер было назначено радиовыступление президента де Голля. В двадцать часов манифестанты собрались у Часовой башни<sup>3</sup>, чтобы «послушать Старика». Генерал говорил монотонно, дрожащим голосом побежденного. И предлагал провести референдум — с целью выяснить, должен ли он оставаться у власти. Ответ собравшихся был единодушным. Все вынули носовые платки и замахали ими, скандируя: «Прощай, де Голль!»

<sup>1</sup> UNEF (*Union Nationale des Etudiants de France*) — Национальный союз французских студентов.

<sup>2</sup> Даниэль Кон-Бендит (р. 1945) — студент факультета Нантер-Х (отделения Сорбонны), анархист, возглавивший протестное движение студентов в 1968 году; происходил из еврейской семьи, бежавшей из Германии во Францию, где получил вид на жительство, который был затем аннулирован французскими властями.

<sup>3</sup> Часовая башня (*Tour de l'Horloge du palais de la Cité*) — самая старая часовая башня королевской резиденции на острове Сите.



Затем началась полная неразбериха. Никто из пришедших не знал как следует правого берега Сены. Что делать — остаться на месте, отправиться в Латинский квартал? Или разойтись по домам? Разумнее всего было бы тихо-мирно исчезнуть из поля зрения властей, но последние несколько недель никто в Париже не был способен поступать разумно. Добрые старые рефлексы бунтовщиков одержали верх над благоразумием. И толпа хлынула на Лионскую улицу, скандируя: «Де Голля — в отставку!», «Кон-Бендита — во Францию!», «Мы все — немецкие евреи!». Эрве шагал во главе процессии. Он не мог точно определить количество собравшихся, но все это скопище орало дружно, в унисон, как один человек. Так сколько же нас здесь — десять тысяч, двадцать, а может, и все тридцать?..

Бурное море голов и лозунгов, оглушительные людские вопли... и вся эта масса медленно, как поток лавы, текла в сторону Бастилии. Однако этот триумфальный марш продвинулся всего лишь метров на пятьсот, не больше. На перекрестке Лионской улицы и проспекта Домениля его участников блокировали мотожандармы, не давая идти ни вперед, ни назад. А вдали, на площади Бастилии, уже поджидали полицейские фургоны, пожарные машины и бульдозеры... Силам правопорядка ничего не стоило справиться с этой стихийной манифестацией. Однако ее участники пока еще держались стойко. Этим ребятам все было нипочем.

В мгновение ока они разворотили мостовую ломami, лопатами и мотыгами, взятыми неизвестно где, опрокинули припаркованные машины, разломали деревянные ящики для овощей и фруктов. А обломки — отличное топливо, накопившееся в Париже с тех пор, как мусорщики объявили забастовку! — полетели в костер. «Все на баррикады, товарищи!» Мотожандармы не двигались с места, ждали приказа. Вот тогда-то Эрве во внезапном порыве и «открыл бал»...

Появились первые раненые — кто с окровавленным лицом, кто с перебитыми костями. Один из них стонал: «Мой глаз... ох, мой глаз!..», другой выплевывал сгустки крови. Эрве посмотрел вверх. Манифестанты, забравшиеся на крыши, срывали с них черепицу, громили каминные трубы... А спецназовцы палили нестройными залпами через улицу, со стороны железнодорожных путей, пытаясь преградить дорогу бунтовщикам, и швыряли в них не только слезоточивые бомбы, но и боевые гранаты. Словом, нынче вечером обе воюющие стороны сражались не на жизнь, а на смерть.

— Да они просто спятили!

Похоже, Тривар до чертиков перепугался. Тривар был лучшим другом Эрве. Худющий долговязый парень с черной курчавой гривой. Когда он таращил глаза, казалось, они вот-вот выскочат из орбит. Тривар неизменно носил байковую блузу, слишком просторную для его худощавого торса. Он ровно ничего не понимал в студенческих протестах и слабо разбирался в требованиях рабочих.

— Вот... наконец-то удалось! Ох, что сейчас начнется!

Это предупреждение исходило от Демортье, самого мозговитого парня из их тройки. Это был плотный коротышка с расплюснутым носом боксера и большими, воинственно сверкавшими голубыми глазами. Он носил куртку военного образца. Его голос звучал мягко, но выступал он так, что только держись, хотя в голове у него и была полная мешанина из всяческих теорий — ленинских, троцкистских, маоистских, ситуационистских<sup>1</sup> и прочих; вдобавок он коллекционировал плакаты, издаваемые «Народным цехом» Академии изящных искусств, и проводил целые дни в «Обществе действий» главного корпуса Сорбонны. Никто не понимал, что он хочет сказать, — и прежде всего он сам. Эрве устало покачал головой. Его

<sup>1</sup> *Ситуационисты* — представители художественно-политического радикального движения, выросшего из троцкизма и сблизившегося с анархизмом в 1960-х; движение было сформировано Ги Дебором в 1957 году под названием «Ситуационистский интернационал».

энтузиазм уже погас. Ну и команда... Горстка дураков состязается в метании камней — прямо как на городской ярмарке, если не считать каких-то громких и невнятных политических лозунгов.

— Ну, что дальше? — спросил Тривар у Эрве; Тривар был уверен, что тот будет ими руководить.

— Нужно вернуться на левый берег! — заявил Демортье.

— Да нас же загнали в угол! — простонал Тривар.

Он по любому поводу так размахивал руками, что широченные рукава блузы придавали ему сходство с летучей мышью. Эрве пришлось в голову самое простое решение: вернуться домой, и — до свиданья, дамы и господа, представление окончено. Но в этот момент все вокруг залил багровый свет.

— В атаку!

Этот крик пронесся вдоль всей баррикады нескончаемым эхом:

— В АТАКУ!

Обычно полицейские, перед тем как пойти в наступление, выпускали красную ракету, чтобы нагнать страху на противника. Началась всеобщая паника. Студенты тотчас же дружно отступили. Эрве всегда поражала эта мгновенная метаморфоза. Едва багровая ракета с шипением взлетала в небо, как недавние герои обращались в трусливое бегство. В этом было что-то отвратительное. Так, значит, вот она такая — их революция?! Вместо того чтобы бежать вместе с ними, он вскарабкался на какое-то возвышение, распластался на нем и начал следить за наступающими. Остроконечные каски с пурпурными бликами, просторные складчатые плащи, дубинки наготове... Спецназ мерной поступью шагал вперед, повергая в дрожь землю и нервы противника. Да, картинка была еще та!..

Эрве давно уже научился распознавать их всех: полицейские носили гимнастерки цвета хаки и брюки с острой как бритва складкой; мобильные жандармы были одеты



в мундиры цвета морской волны, а спецназовцы щеголяли в авиационных очках и прикрывались тяжеленными щитами. Он невольно восхищался их видом. Наверно, все солдаты в мире испытывают такое же пьянящее чувство силы. Эти парни в чем-то были сродни легендарным наполеоновским ветеранам или пехотинцам в траншеях Первой мировой...

— Ну ты идешь или нет? — завопил Тривар.

Эрве натянул на нос шарф и догнал товарищей. Те направились было к Лионскому вокзалу.

— Нет, не сюда! — скомандовал Эрве.

Улица Лакюзэ, слева от них, позволяла пройти по набережной Арсенала и таким образом обогнуть площадь Бастилии. Эрве знал этот квартал как свои пять пальцев. С самого рождения он жил в доме бабушки, у Венсенских ворот, откуда ездил по четвергам на 86-м автобусе в кинотеатр «Люкс-Бастий». Вскоре они оказались в темноте и тишине этого квартала, откуда спустились к порту Арсенала, прошли мимо пришвартованных суденышек и остановились у самой воды, в пустоте, с трудом переводя дыхание. Все трое, окутанные какой-то странной меланхолией, молчали и только жадно глотали воздух. Плеск воды, обтекавшей кораблики, легкое поскрипывание причальных канатов... казалось, все эти звуки принадлежат совсем другому миру. Отдаленный шум схватки долетал до них смутными отзвуками, какие бывают во сне. Стоя на этих влажных камнях, Эрве ушел мыслями в прошлое. Он закурил «Голуаз» и прикрыл глаза...

Теперь, когда ослабло сумасшедшее напряжение схватки, Эрве осознавал всю ее бессмысленность. Он был уверен, что со временем эти события оставят в Истории лишь смутное воспоминание о каком-то грандиозном, но нелепом фарсе.



## 2

Все началось годом раньше, со скандала в кампусе Нантер<sup>1</sup>. Причина: руководство запретило парням доступ в женский дортуар. Смехотворный характер этого «серьезного» дела возмутил всех — конфликт погасить не удалось.

Март 1968-го. Ватага парней разбивает витрины офиса *American Express* в знак протеста против войны во Вьетнаме. Виновные арестованы. Что вполне естественно.

Но один из них был студентом Нантера, и возмущенная группа студентов захватывает административный корпус факультета, а потом создает «Движение 22 марта» под руководством главного крикуна — вполне симпатичного парня Даниэля Кон-Бендита.

«Освободите наших товарищей!» — таково было их первое требование, которому затем суждено было повторяться не единожды; протестующие хотели все разнести вдребезги, но вовсе не желали страдать из-за последствий.

Власти повели себя снисходительно. Вандалов освободили, простив им захват башни. Однако «бешеным» этого было мало. Граффити на стенах, срывы лекций, оглушительные призывы через мегафон... Эрве исходил

<sup>1</sup> *Нантер* — небольшой город близ Парижа, где были расположены некоторые факультеты Сорбонны (в частности, литературы и права).

нетерпением: как же это прекрасно — нарушать устоявшийся порядок, даже не выдвигая каких-нибудь внятных требований; как здорово чувствовать себя «революционером»! Это приводило его в экстаз... Ладно, пошли дальше.

В начале мая декан, потерявший терпение, закрыл факультет. Это еще что за фокусы?! Такого злоупотребления властью протестующие стерпеть не могли. Даже те, кто мешал нормальной работе факультета, не допускали мысли о прекращении занятий. Где им теперь кучковаться для борьбы?!

Что ж, тогда они перебрались в Сорбонну, где могли предъявлять свои претензии к властям в парадном дворе университета. Однако их никто не слушал; более того, к концу дня ректор, далеко не такой терпеливый, как его нантерский коллега, вызвал полицию, чтобы разогнать юных бунтовщиков.

И вот началась карательная акция. Проверка документов. Как раз в это время студенты и лицеисты выходили из аудиторий. При виде полицейских мундиров они моментально организовались и подхватили тот же лозунг: «Освободите наших товарищей!»

Всеобщая драка, булыжники, вырванные из мостовой (впервые), подожженные автомобили. Силы правопорядка не смогли противостоять этой неожиданной вакханалии бешенства. Полицейские вызвали подкрепление. Побоище затянулось далеко за полночь. С той и с другой стороны были раненые, многих мятежников арестовали. Итак, пламя бунта вспыхнуло, и теперь достаточно было не дать ему угаснуть.

Как раз в тот день, 6 мая, Даниэль Кон-Бендит и несколько его товарищей были вызваны в дисциплинарный совет Сорбонны для разбирательства инцидента в Нантере. Новый скандал. Новые демонстрации протеста, новые стычки.

10 мая те, кого арестовали неделю назад, предстали перед судом. Большинство из них были освобождены,

однако нескольких парней приговорили к суровому наказанию — двум месяцам тюрьмы. Этого было достаточно, чтобы студенты тотчас опять ринулись на улицы. Сорбонна закрыта? Что ж, тогда мы закроем весь квартал!

Появились первые баррикады. Эрве был захвачен этим неистовым вихрем. Ему ясно вспоминается странный экстаз, испытанный им в тот момент на улице Гей-Люссака, где они громили все подряд и где царил дух войны и буйного веселья.

Конечно, были и окровавленные лица, и раненые товарищи; тем не менее над всем главенствовали радость и ликующее ощущение праздника...

Той ночью Эрве едва избежал ареста: перебравшись через баррикаду, он со всех ног помчался прочь, и ему удалось скрыться на улице Сен-Жак. На следующий день окрестности Сорбонны представляли собой довольно-таки мрачное зрелище разгрома. Восставшие были довольны. И никто уже не вспоминал, что свирепый разгул вызван всего лишь арестом нескольких типов, которые успели здорово разорить этот квартал.

Эрве не понимал смысла цепной реакции сопротивления, но дал вовлечь себя в борьбу. Тем более что французы-студенты и французы-нестуденты переживали настоящий медовый месяц. Горожане одобряли требования учащихся... правда, никто не знал, какие именно.

Второй приятный сюрприз: средства массовой информации отражали только те события, которые касались жестокости спецназа. И замалчивали тот факт, что студенты сами нарывались на репрессии. Как молчали и о том, что разрушают город именно протестующие. Между газетчиками и восставшими возникло нечто вроде соглашения: что бы ни творили эти парни, они не виноваты и пусть продолжают в том же духе.



Но тут была одна проблема: Эрве получил историческое образование. Он хорошо изучил восстания былых веков.

Ниспровержение власти в его понимании заключалось в том, чтобы получать реальные пули в грудь, позволять себя арестовывать, пытаться, казнить. Мятеж поднимали в тот момент, когда у народа больше не было выбора, когда он умирал с голоду, когда гнет властей становился невыносимым. Вот почему Эрве, готовый швырять камни в полицейских, и не думал сравнивать себя с борцами Коммуны, подражать *барбудос* Фиделя Кастро или участвовать в китайской культурной революции.

Можно ли приравнивать выходки расхулиганившихся парней с Бульмиш<sup>1</sup> к трагедиям, в которых погибли многие тысячи людей?! Нет, это было бы просто кощунством!

11 мая премьер-министр Жорж Помпиду, вернувшийся из поездки в Афганистан, тотчас принял все меры к восстановлению спокойствия, приказав вновь открыть Сорбонну и освободить арестованных студентов. Но было уже поздно. Теперь и рабочие начали бастовать, занимая заводы. Спустя несколько дней их примеру последовали служащие, чиновники и либеральные преподаватели... Жизнь во Франции была парализована, и в довершение всех бед исчез бензин!

По мнению Эрве, требования служащих были более законными. Но, честно говоря, они его уже не интересовали. Совершенно не интересовали. Все эти истории с повышением зарплаты, с продолжительностью рабочего дня, с профсоюзами были ему безразличны. Так что он мало чем отличался от других маменькиных сынков, которые, подхватив популистскую лихорадку, громогласно объявляли себя сторонниками рабочих, хотя никогда не стали бы даже обедать с ними за одним столом.

<sup>1</sup> Бульвар Сен-Мишель в Париже.

Во времена этого хаоса Эрве полюбил бродить по городу. Если ему хотелось поразвлечься, он отправлялся в Сорбонну, где творилось нечто в высшей степени комичное. С того дня, как Сорбонну вновь открыли, там было введено «самоуправление»: жизнью университета руководили теперь комитеты, комиссии, представители АГ. Там же находились перевязочная, ясли и служба порядка... А еще там готовили еду и обеспечивали всех провизией... Но главное — митинговали...

Стенды в парадном дворе были увешаны листовками, газетами и приглашениями на дебаты. Маоисты, троцкисты, марксисты-ленинцы, ситуационисты, анархисты... кого тут только не было!

Эрве забавляла вся эта сумятица. Если действия (демонстрации, стычки) просто выглядели не слишком привлекательно, то все, что им сопутствовало (мысли, теории, комментарии), и вовсе невозможно было принять. Эрве знать не знал, каким курсом следовали приверженцы всех этих идей, но одно было ясно: это не История. Как можно восхищаться Лениным, который пролил столько крови?! Или Че, который, невзирая на свою героическую судьбу, стрелял, как говорили, в людей направо и налево не раздумывая?! Или взять хоть китайскую культурную революцию, чью истинную суть никто, абсолютно никто здесь не понимал...

— Ладно, пошли, что ли?

Сказав это, Демортье встал: их задержка у воды уже начала раздражать этого пылкого борца, фанатика, которому не терпелось перейти от слов к делу.

— Ну и куда пойдем? — спросил Тривар, закуривая «Голуаз».

— На левый берег. Вот где уж точно настоящая заваруха.

И они зашагали дальше, в сторону набережной Генриха IV. Почти сразу же их обогнала группа бунтовщиков, которые бежали к бульвару Бурдон; эти вооружились железными прутьями и пращами.

- Что случилось? — крикнул им Демортье.
- Все на приступ Биржи! Капитализму хана!

Демортье, с его фигурой боксера легчайшего веса, даже пошатнулся — так силен был шок. А Тривар — тот просто схватился за голову. «Биржа... — подумал Эрве. — А собственно, почему бы и нет?!»



У двадцатидвухлетнего Эрве Жуандо была обманчивая внешность: высокий худощавый блондин, он напоминал героя популярных в то время комиксов о Большом Дюдюше<sup>1</sup>, разве что без очков. Вполне симпатичный парень, но в своем роде — слишком уж худощавый и слишком высокий. Сам он ненавидел свою внешность. К счастью, его губы — в стиле Мика Джаггера — придавали ему, как он полагал, некоторую сексуальность.

Идеалом Эрве был лорд Браммел<sup>2</sup>. Он свято верил, что одежда мужчины — это самое важное в жизни. Бодлер писал, что настоящий денди обязан даже ночевать перед своим зеркалом. В отличие от него, Эрве полагал, что не должен спать вообще. Ибо элегантность таится в каждой складке сюртука, но также и в каждой секунде: о бдительности нельзя забывать ни на миг.

Тем не менее его гардероб состоял из простой вельветовой куртки, нескольких рубашек «оксфорд», джинсов, пузырившихся на коленях, и пары туфель *Clarks*.

Но главное, как известно, — это детали. Например, перстень или искусно повязанный шейный платок; по таким вопросам он консультировался с опытными людьми, самыми тонкими знатоками мужской одежды в кам-

<sup>1</sup> *Большой Дюдюш* — персонаж серии юмористических комиксов, созданный французским карикатуристом Кабю (1938–2015), сотрудником сатирического журнала *Charlie Hebdo*.

<sup>2</sup> *Джордж Брайан Браммел* (1778–1840) — знаменитый английский денди эпохи Регентства.

пусе. Кампус... Превратности судьбы сослали Эрве (при том что он жил в Париже, у Венсенских ворот!) в Нантер, на новосозданный факультет. И теперь каждое утро он с отвращением садился в метро (линия № 1, он знал наизусть все ее станции), ехал через весь город и, вконец измотанный, прибывал в «ЛА ФОЛИ, УНИВЕРСИТЕТСКИЙ ГОРОДОК».

В те времена Десятый округ Парижа представлял собой довольно жалкое зрелище. Это были здания, возведенные кое-как на покинутых армией пустырях, совсем недалеко от района трущоб. И вот теперь, как ни странно, этому подобию бразильских кварталов бедноты суждено было принять всю золотую молодежь Западного Парижа. Эрве, парень скромного происхождения, чувствовал себя довольно неуютно в этой компании юных богатеев. Все они учились на факультете права или факультете экономики. А он изучал историю и философию. И откровенно третировал всех этих молокососов в дорогих мокасынах, втайне безумно им завидуя. Итак, подведем итоги. Эрве Жуандо был, как уже сказано, худощавым долговязым парнем, который проводил свою жизнь в метро и таскал на спине, подобно водолазам с их кислородными баллонами, рюкзак с книгами по двум гуманитарным дисциплинам. Теперь все ясно? Так вот, все это было ложью.

Ну или, по крайней мере, не совсем правдой. Учеба была для Эрве то ли хобби, то ли даже чем-то вроде торговли... короче говоря, она его вовсе не увлекала. Несмотря на блестящие успехи, он относился к этому миру с его профессорами, студентами и лекциями вполне равнодушно, если не сказать — презрительно. Эрве был, без сомнения, очень умным, а может, и гениальным юношей. Блестящий острый интеллект делал его неординарной, избранной, но притом слегка извращенной личностью, выделяя из общей массы студентов, моментально приходявших в экстаз от любой новой идеи и противопоставлявших ее застывшим, заплесневелым устоям